

ГЕНДЕРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ АФРАЗИЙСКОЙ ЗОНЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

Кира Владимировна Мещерина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Алиса Романовна Шишкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Анастасия Андреевна Милюкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В данной статье приводится анализ ценностных ориентаций Афразийской зоны нестабильности на основе гендерных измерений: потестарного (~ политического) и экономического. В Афразийскую зону авторы включают Ближний Восток (в том числе Северную Африку) и Большой Средний Восток (в том числе Среднюю Азию и Пакистан), а также страны Сахеля. Результаты проведенного анализа показали, что государства Афразийской зоны имеют ряд отличий по некоторым ценностным показателям как от стран Африки южнее Сахеля, так и от восточно-исламских стран (Бангладеш, Индонезия и Малайзия) и формируют свой отдельный кластер. При этом наиболее выраженные отличия наблюдаются между кластерами Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля. Что касается стран восточного ислама, то от государств Афразийской зоны они особо отличаются в потестарном гендерном пространстве. При этом в экономическом гендерном измерении данные отличия не столь выражены, хотя и ста-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

тистически значимы. Такой результат позволил провести параллель с одной характерной особенностью стран Африки южнее Сахеля: очень высокой экономической активностью женщин, которая как раз отличается от рекордно низких показателей доли экономически активных женщин в большинстве стран исследуемой нами Афразийской зоны. В то же самое время восточно-исламские страны, которые в целом фиксируют среднемировые показатели доли экономически активных женщин, тем не менее не столь сильно отличаются от стран Афразийской зоны по этому показателю (хотя эти различия, повторим, все же значимы статистически). Отметим, что наши результаты позволяют несколько по-иному взглянуть и на проблему ценностной «карты мира». Они показывают, что предложенная Р. Инглхартом и К. Вельцелем кластеризация стран мира в ценностном пространстве не является достаточно полной. Ее необходимо дополнять и иными вариантами кластеризации в других ценностных измерениях. В гендерных ценностных измерениях на противоположных полюсах оказываются страны Запада (с максимальной поддержкой гендерного равноправия как в политической, так и в экономической областях) и арабские страны (с минимальной поддержкой того и другого). К странам Запада тесно примыкает Латинская Америка с немного меньшим уровнем поддержки гендерного равенства в обоих измерениях. Рядом с Латинской Америкой достаточно близко оказывается Африка южнее Сахеля, для которой характерен значительно более высокий, чем в арабских странах, уровень поддержки гендерного равенства в обоих измерениях. К Африке близко примыкает Азия – для большинства азиатских стран характерен уровень поддержки гендерного равенства в политической сфере примерно столь же высокий, как и в африканских странах южнее Сахеля; однако для большинства азиатских стран характерен заметно менее высокий, чем в Африке, уровень поддержки гендерного равенства в экономической сфере. Посткоммунистическая Европа также оказывается близкой к Африке южнее Сахеля, хотя для многих восточноевропейских стран характерен заметно более низкий, чем в Африке, уровень поддержки экономического гендерного равенства, а для некоторых – политического. Как уже говорилось, неарабские страны Афразийской зоны близко примыкают к арабским странам. На нашей ценностной «карте мира»

(см. подробнее Рис. 11) восточно-исламские страны (Индонезия, Малайзия, Бангладеш) находятся достаточно близко от Афразийской зоны, но в некоторых отношениях они ближе к другим государствам Азии, чем к арабским странам.

На настоящий день существует довольно большое число работ, посвященных исследованию ценностей мусульманских стран в целом и стран арабского региона в частности, которые нередко рассматривают в сравнении с ценностями западных стран (Jafari 1993; Díez-Nicolás 2003; Yaran 2003; Ajrouch 2005; Moaddel 2007a; Pettersson 2007; Rizzo *et al.* 2007; Тищенко и др. 2010; Norris, Inglehart 2012; Basit 2017). Большое внимание при этом уделяется политическим (и в особенности демократическим) ценностям (Ayubi 1991; Tessler 2002a; 2002b; Fattah 2006; Moaddel 2007b; Jamal, Tessler 2008; Pintak, Setiyono 2011; Metcalfe 2011; Forster, Fenwick 2015; Inglehart 2002; 2007; 2017; Grinin *et al.* 2018), трудовым ценностям (Dorfman, Howell 1988; Kim *et al.* 1994; Yousef 2000; 2001; Robertson *et al.* 2002; Ball, Haque 2003; Hodge 2005; Parboteeah *et al.* 2009; Al-Najjar 2011; Rafiki, Wahab 2014; Forster, Fenwick 2015; Shirokayeva 2015; Hammoudeh 2016; Diwan, Tzannatos, Akin 2018), культурным (Baker 2000; Whiteoak *et al.* 2006; Al-Kandari, Gaither 2011; Al-Kandari, Gaither 2011; Al Omoush *et al.* 2012; Chun *et al.* 2015), религиозным (Ball, Haque 2003; Al-Kandari, Gaither 2011; Khan 2012; Panjwani 2013; Fenwick 2015; Huda, Kartanegara 2015; Panjwani, Moulin-Stožek 2017; Göle 2017), семейным ценностям (Barakat 1993; Baker 2003; Al-Kandari, Gaither 2011; Metcalfe 2011; Beitin, Aprahamian 2014), гендерным установкам (Костенко 2014, 2017a; 2017б; Joseph 1996; Tessler 2002a; Whiteoak *et al.* 2006; Elamin, Omair 2010; Tlaiss, Kauser 2011; Yeganeh, May 2011; Metcalfe 2011; Beitin, Aprahamian 2014; Forster, Fenwick 2015; Fox *et al.* 2016; Abbott 2017; Glas *et al.* 2018).

При этом в качестве объекта рассмотрения выступают арабские страны в целом (Костенко 2017б; Стребкова и др. 2017; Glidden 1972; Tessler 2002b; Jamal, Tessler 2008; Al-Kandari, Gaither 2011; Al Omoush *et al.* 2012; Ponarin, Kostenko 2013; Fox *et al.* 2016; Hammoudeh 2016), отдельные арабские государства (Hofstede 1980; Joma 1991; Robertson *et al.* 2002; Tessler 2002a; Richardson 2004; Whiteoak *et al.* 2006; Forster, Fenwick 2015; Abbott 2017), в целом

исламский мир (Hanafi 2002; Ball, Haque 2003; Fattah 2006; Halstead 2007; Nasr 2009; Panjwani 2013; Hammoudeh 2016; Göle 2017), отдельные неарабские исламские страны (Johns 1987; Kabeer 1991; Federspiel 1998; Harahap 2003; Pintak, Setiyono 2011; Tafti *et al.* 2012; Muchtar *et al.* 2017), а также арабские или исламские диаспоры в различных странах мира (Костенко 2014; 2017а; Osman 1997; Zolberg, Woon 1999; Hodge 2002; Tessler 2003; Cesari 2004; Cukur *et al.* 2004; Ajrouch 2005; Halstead 2007; Al-Kandari, Gaither 2011; Pintak, Setiyono 2011; Chun *et al.* 2015).

Исследователи отмечают, что для мусульман характерны следующие ценностные ориентации.

1. *Высокая религиозность* (Коротаев, Халтурина 2008: 134–141; Халтурина, Коротаев 2009: 155–162; Коротаев и др. 2012; Ali 1992; Hodge 2002; Inglehart, Norris 2003а; 2003b; Kenny 2003; Yaran 2003; Jandt 2006; Inglehart 2007: 32–38; Halstead 2007; Al-Kandari, Gaither 2011; Rafiki, Wahab 2014). Такие фундаментальные ценности, как вера в Бога, пророчество Мухаммеда и Коран как Слово Божье, несомненно, имеют огромную важность в мусульманском обществе (Moaddel 2007b: 7). Некоторые исследователи утверждают, что арабы и мусульмане в целом имеют предопределенное отношение к жизни и событиям вокруг, основанное на религии, события не происходят без воли Аллаха, поскольку его законы описывают Вселенную, а стихийные бедствия являются наказанием за проступки и грехи людей (Jandt 2006). Ряд исследователей подчеркивают, что вера определяет поведение и нравственные качества мусульман (Ashraf 1988: 76; Khan 1987: 28), объединяя понятия морального и религиозного долга как две стороны одной монеты (Halstead 2007). В частности, по результатам опроса, проведенного в Египте, Иордании, Саудовской Аравии, Иране, 79–85 % жителей этих стран утверждают, что религия имеет большое значение в их жизни (Moaddel 2007a: 214), а порядка 94 % совершенно точно заявляют, что они верят в жизнь после смерти, существование рая и ада (*Ibid.*: 214; Тищенко и др. 2010: 384–387). При этом считается, что эвтаназия и аборт нарушают сакральность человеческой жизни, что ведет к крайне отрицательному отношению к этим явлениям в исламских странах (Haddad, Smith 1996; Fernea 1995; Zuhur 1995). Вместе с тем Р. Инглхарт отмечает, что в посткоммунистических исламских странах уровень религиозности заметно ниже,

чем в исламских странах, никогда не бывших под властью коммунистов (Inglehart 2007: 32–38).

2. *Патриархальные ценности и низкий уровень поддержки гендерного равенства* (Тищенко и др. 2010: 384–387; Костенко 2014; 2017a; Barakat 1993; Kulwicki 1996; Fish 2002; Inglehart 2003a; 2003b; Norris, Inglehart 2004; Whiteoak *et al.* 2006; Moaddel 2007a: 228; Inglehart 2007: 45; Elamin, Omair 2010; Alexander, Welzel 2011b; 2011c; 2015; Yeganeh, May 2011; Inglehart 2017). Патриархальные ценности подразумевают ограничение роли женщины в семье, экономике и политике, возвышение мужчины-кормильца, который требует полного уважения и послушания (Barakat 1993). Многие исследователи отмечают, что для мусульман характерно пониженное отрицание полигамности (Moaddel 2007a: 224–228), особое традиционно негативное отношение к вступлению в брак с согласия родителей, неодобрение разводов и аборт (Norris, Inglehart 2002; впрочем, С. Л. Лопатина и др. [2016] достаточно убедительно показывают, что отрицательное отношение к абортам связано прежде всего с глубокой религиозностью, и при этом совсем не обязательно исламской). Своего рода традиционность в отношениях с женщиной передается через отказ от социального взаимодействия мальчиков и девочек и подчеркивание необходимости раздельного обучения после детского сада (Simmons *et al.* 1994; Mahmoud 1996). Низкий уровень поддержки гендерного равенства выражается в отрицании равных прав на работу у мужчин и женщин (в особенности если рабочих мест не хватает), отсутствии положительного отношения к женщине как к хорошему управленцу и/или политическому лидеру (Paxton, Kunovich 2003; Rizzo *et al.* 2007: 1164; Stockemer 2015), или даже в ограничении прав на получение образования и т. д. (Afshah 1996).

3. *Запрос на демократические ценности*. Важным открытием здесь было то, что, по данным Всемирного исследования ценностей, для большинства мусульманских стран оказался характерным очень высокий уровень поддержки идеи демократического образа правления (Inglehart 2002; 2007; 2017; Rizzo *et al.* 2007; Rowley, Smith 2009), при этом утверждение о том, что «демократия является наилучшей формой правления», оказалось пользующимся особо высокой поддержкой в мусульманских странах именно среди глубоко религиозных мусульман (Al-Braizat 2002; Moaddel 2006;

Tessler 2002a; 2002b; Tessler, Altinoglu 2004; см. также: Hoffman, Jamal 2014; Spierings 2014). Как мы уже отмечали в одной из наших предыдущих работ, это в общем-то и не удивительно. Действительно, «бурный рост популярности демократических идей среди многих исламистов связан с тем, что исламистские представления пользуются широкой поддержкой населения в значительном числе мусульманских стран, а значит, исламисты имеют там самые реальные шансы прийти к власти демократическим путем. Действительно, проведение свободных выборов там вполне закономерно заканчивается победой исламистов, что не может не вызывать у многих из них симпатии к этой форме политической организации государства» (Grinin *et al.* 2018: 77–78). С другой стороны, как справедливо отмечает М. Тесслер (Tessler 2002a; 2002b), несмотря на очевидное предпочтение демократии среди мусульманской общности, только одна четверть всех исламских стран являются демократиями (да, при этом неконсолидированными).

Большинство исследований в этой области (см., например: Hayes *et al.* 2000; Inglehart, Baker 2000; Inglehart 2002; 2003b; 2007; 2017; Inglehart, Norris 2003a; 2003b; Alexander, Welzel 2011a; 2011b; 2011c) основываются на идее о том, что реальная разница между Западом и мусульманским миром заключается не в приверженности демократии (так как приверженность к ней сейчас очень сильна в мусульманском мире), а в разных взглядах на гендерные и семейные проблемы.

4. *Трудовая этика мусульман.* Многие исследователи подчеркивают важность бизнеса и торговли для ислама (см., например: Ali 1992; Yousef 2000, 2001). А. Али (Ali 1992) и Д. А. Юсеф (Yousef 2000; 2001) называют учение Пророка о бизнесе и работе исламской трудовой этикой. Это дает набор рекомендаций о том, как работать и вести бизнес. Работа должна быть выполнена в меру своих способностей, деловые и рабочие отношения должны быть честными и открытыми для поощрения доверия, и должно быть справедливое отношение к работникам. Особо отметим чрезвычайно интересный результат, полученный недавно А. Широкановой, которая совершенно убедительно показала, что современные мусульмане демонстрируют более высокий уровень протестантской трудовой этики, чем современные протестанты (Shirokanova 2015). Отметим, что это прекрасно коррелирует с проведенными нами ранее исследования-

ми, показавшими, что протестантская трудовая этика в настоящее время свойственна жителям развивающихся стран в большей степени, чем развитым (Тищенко и др. 2010), что, на наш взгляд, является важным (хотя и отнюдь не единственным) фактором идущих после конца 1980-х гг. процессов Великой конвергенции, когда темпы экономического роста развивающихся стран систематически заметно превышают таковые в странах развитых (Коротаев, Халтурина 2008; Grinin, Korotayev 2015).

5. *Высокий уровень поддержки политического ислама/исламизма* в большинстве непосткоммунистических мусульманских стран (Karatnicky 2002; Tausch 2013; 2014; 2015a; 2015b; 2015c; 2016a; 2016b; 2017; Achilov, Sen 2016; Grinin *et al.* 2018); при этом Д. Ачилов и С. Сен показывают, что большинство религиозных мусульман поддерживают политически умеренный ислам, и лишь меньшинство – радикальный исламизм (Achilov, Sen 2016).

Исследователи отмечают, что особенно характерны многие из этих ценностных ориентаций для жителей арабских стран. Речь идет о таких ценностях, как:

1. *Высокая религиозность* (Ali 1992, Hodge 2002; Al-Kandari, Gaither 2011; Тищенко и др. 2010: 384–387);

2. *Высокий уровень коллективизма* (Jafari 1993; Kim *et al.* 1994; Kelly *et al.* 1996; Haynes *et al.* 1997; Ali *et al.* 1997; Robertson *et al.* 2002; Al-Kandari, Gaither 2011);

3. *Патриархальные ценности и чрезвычайно низкий уровень поддержки гендерного равенства* (Тищенко и др. 2010: 384–387; Костенко 2017a; Стребкова и др. 2017; Barakat 1993; Joseph 1996; Fish 2002; Inglehart, Norris 2003b; Zakaria 2003; Whiteoak *et al.* 2006; Rizzo *et al.* 2007; Alexander, Welzel 2011a; 2011b; 2011c; 2015; Ponarin, Kostenko 2013; Beitin, Aprahamian 2014; Tausch 2014; Forster, Fenwick 2015; Kostenko *et al.* 2014; 2016; Abbott 2017; Inglehart 2017). В ряде работ отмечается, что сохранение патриархальных ценностей в арабских обществах является препятствием для развития женщин, детей, семьи и государства в целом, оно негативно влияет на сферы образования, труда, прав человека и развития демократии (Костенко 2017a; Joseph 1996; Inglehart 2002; 2003b; 2007; 2017; Inglehart, Norris 2003a; 2003b; Norris, Inglehart 2002);

4. *Высокая ценность семьи* (см., например: Barakat 1993: 4; Beitin, Aprahamian 2014). Семья играет огромное значение в араб-

ском обществе. Для арабов характерно преобладание таких ценностей, как самоотречение и забота о членах своей семьи (Baker 2003). Сравнивая ценности жителей арабских стран и жителей Запада, Х. Баракат пишет, что «хотя американцы могут поменять свою работу и место жительства ради новых возможностей, арабы будут оставаться там, где находится их семья, поскольку ислам предписывает людям объединяться, чтобы достичь взаимного благополучия» (Barakat 1993: 5). А. Сибай и Р. Ямут (Sibai, Yamut 2012) отмечают, что одной из главных особенностей арабских стран является социальная культура, основанная на исламских ценностях и принципах и формирующая, в частности, определенную систему поддержки между поколениями. Исламский кодекс поведения в этом случае предписывает помощь пожилым людям внутри семьи, и подобные принципы закрепляются законами и продвигаются заинтересованными людьми.

5. Особо отметим большой блок исследований, посвященных *культурным ценностям*, в том числе жителей арабских и/или мусульманских стран, который строится на типологии культурных измерений, разработанной Гертом Хофстеде (Hofstede 1980; Vitell *et al.* 1993; Dorfman, Howell 1988; Shane *et al.* 1995; Robertson *et al.* 2002; Al-Kandari, Gaither 2011). Исследование Г. Хофстеде (Hofstede 1980) выделило в качестве характерных для арабских стран такие ценности, как высокая маскулинность, избегание неопределенности и дистанцированность от власти. Среди культурных ценностей, определяющих арабскую культуру, исследователи этого направления выделяют, например, уважение к истории, уважение чести и неприятие критики и отрицательной оценки (Al-Kandari, Gaither 2011); при этом отмечается, что установление и поддержание взаимоотношений с арабскими партнерами невозможно без понимания культурных ориентаций арабов (*Ibid.*).

6. *Политическим ценностям* жителей арабских стран посвящены работы Н. Аюби (Ayubi 1991), О. Роя (Roy 1996), М. Тесслера (Tessler 2002a; 2002b; 2003); Дж. Фуллера (Fuller 2003) и многих других. Одним из наиболее известных открытий, сделанных специалистами в этой области, является выражено положительное отношение большинства жителей арабских стран к демократическому политическому устройству (Inglehart 2002; 2007; 2017; Al-Braizat 2002; Tessler, Altinoglu 2004; Moaddel 2006; Rizzo *et al.*

2007; Jamal, Tessler 2008; Spierings 2014). Так, А. Джамал и М. Тесслер (Jamal, Tessler 2008) утверждают, что в арабских обществах фиксируется значительный запрос на демократические ценности. По их мнению, демократические идеи становятся все более популярны среди жителей арабского мира и находят все больше сторонников. Некоторые предпочитают светскую демократию, другие – исламскую демократическую республику, однако все эти люди одинаково положительно относятся к демократии. Жители арабских стран хотят политических свобод, ответственности государства перед населением и т. д. С. Чифчи и Е. М. Берник (Ciftci, Bernick 2015) считают, что образование и занятость повышают гражданский интерес, членство в ассоциациях, а также участие в демонстрациях и политических кампаниях в арабских странах. Арабская весна, по их мнению, продемонстрировала, что поколение высокообразованных активистов, воспевающих лозунги свободы, достоинства и справедливости, стали новой движущей силой в арабских странах.

Однако, как было показано еще М. Фишем и Р. Инглхартом, некоторые другие аспекты ценностных ориентаций жителей арабских стран (и прежде всего низкий уровень распространения ценностей самовыражения, низкая толерантность и слабая поддержка гендерного равенства) значительно препятствуют построению демократии в этих странах (Fish 2002; Inglehart, Norris 2003a; 2003b; Inglehart 2002; 2007; 2017; Spierings 2014; Grinin *et al.* 2018). Так, М. Фиш (Fish 2002) выделяет отсутствие гендерного равенства, которое определяет в том числе большой разрыв между уровнем образования у мужчин и женщин в мусульманском обществе, а превосходство мужчины создает культуру доминирования и зависимости от социальной и политической жизни (Fish 2002: 27; см. также: Inglehart, Norris 2003a; 2003b; Inglehart 2017). Другим не менее важным аспектом является низкий уровень толерантности и гражданской терпимости в исламских странах (в том числе отношение к этническим меньшинствам, членам других религиозных групп, расовым группам, иммигрантам и др. и их правам и свободам [Gibson 1992; Sullivan *et al.* 1981; Rizzo *et al.* 2007]), с чем могут быть связаны определенные проблемы со становлением в арабском мире эффективной демократии, развитием политического плюрализма и

улучшением возможности публично выражать свою точку зрения (Esmer 2002; Moaddel 2007a: 233).

Наконец, в своей знаменитой обобщающей работе¹ Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечают, что в целом для исламских обществ характерны сильно выраженные традиционно-религиозные (а не секулярно-рациональные) ценности², с одной стороны, и ценности выживания (а не ценности самовыражения) – с другой.

Основные результаты предпринятой Инглхартом и Вельцелем попытки кластеризировать страны мира в пространстве ценностных ориентаций представлены на их знаменитой «Культурной карте мира» (см. Рис. 1).

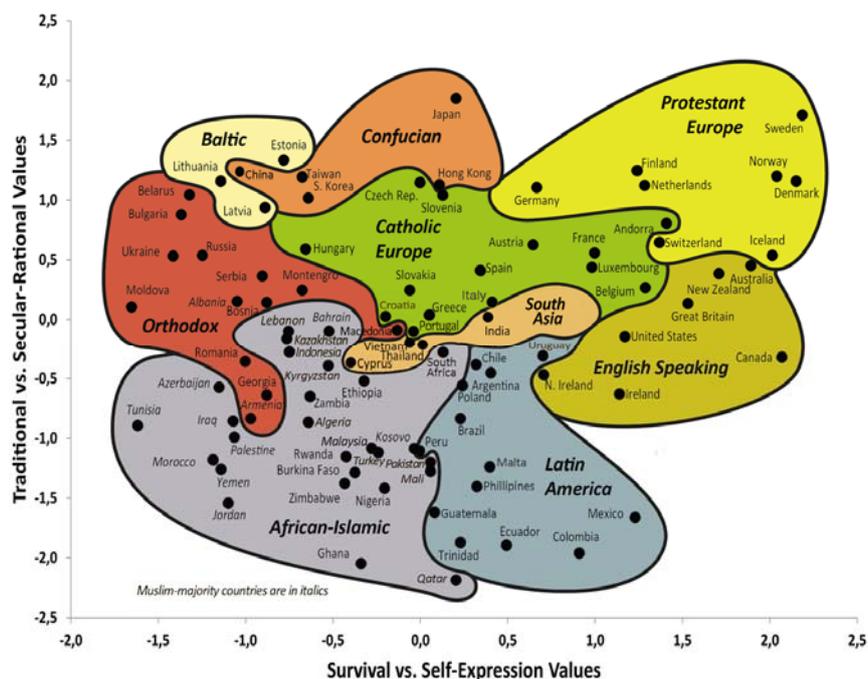

Рис. 1. «Культурная карта мира» Инглхарта – Вельцеля

¹ Инглхарт, Вельцель 2011; Inglehart, Welzel 2005. См. также: Inglehart 2002; 2003b; 2007; 2017.

² В особенности если речь идет о непосткоммунистических исламских странах. В исламских странах, прошедших значительное время под властью коммунистов, традиционно-религиозные ценности распространены заметно меньше, а секулярно-рациональные ценности имеют значительно большую поддержку.

Нетрудно заметить, что применительно к интересующим нас странам результатом исследований Инглхарта и Вельцеля стало выделение африкано-исламского кластера стран, характеризующегося, с одной стороны, очень низкой распространенностью секулярно-рациональных ценностей (и, соответственно, высокой распространенностью ценностей традиционно-религиозных), а с другой – высокой распространенностью ценностей выживания (и, соответственно, низкой распространенностью ценностей самовыражения).

Ввиду того колоссального авторитета, которым достаточно заслуженно пользуются Р. Инглхарт и его группа в области исследования глобальных ценностных ориентаций, представляется необходимым выяснить, в полной ли мере оправданно объединение всех исламских и африканских обществ в единый мегакластер. С другой стороны, представляется необходимым начать исследование внутренней структуры данного мегакластера – постараться понять, какие кластеры и субкластеры могут быть выделены в рамках афроисламского мегакластера. В связи с этим представляется уместным обратить внимание на то обстоятельство, что проведенные нами ранее исследования позволили выделить Афразийскую зону нестабильности, в которую входят Ближний Восток (включая Северную Африку) и Большой Средний Восток (включая Среднюю Азию и Пакистан), а также страны Сахеля (Коротаев, Исаев 2014; Коротаев и др. 2014; 2015; 2016; Korotayev *et al.* 2016) (см. Рис. 2). Эти страны характеризуются в последние годы особо высоким уровнем социально-политической нестабильности (см., например: Гринин и др. 2014; Коротаев, Исаев 2014; Коротаев и др. 2014; 2015; 2016).

С другой стороны, эти страны можно отождествить с ареалом арабо-исламской цивилизации, включающим государства, испытывавшие на себе не только исламское, но и мощное арабское влияние, которое зачастую отнюдь не было тождественно исламскому влиянию (Коротаев 2003; Тищенко и др. 2010; Коротаев и др. 2007; 2014; Korotayev 2000).

Предыдущие исследования показали, что ядром этой зоны является территория максимальной экспансии Омейядского халифата³, которая к тому же оказывается почти идеально тождественной современному ареалу стран с особо низкой долей экономически активных женщин (Korotayev *et al.* 2014; 2015) (см. Рис. 3).

³ За исключением Пиренейского полуострова, выпавшего из зоны арабо-исламской цивилизации в результате Реконкисты (718–1492).

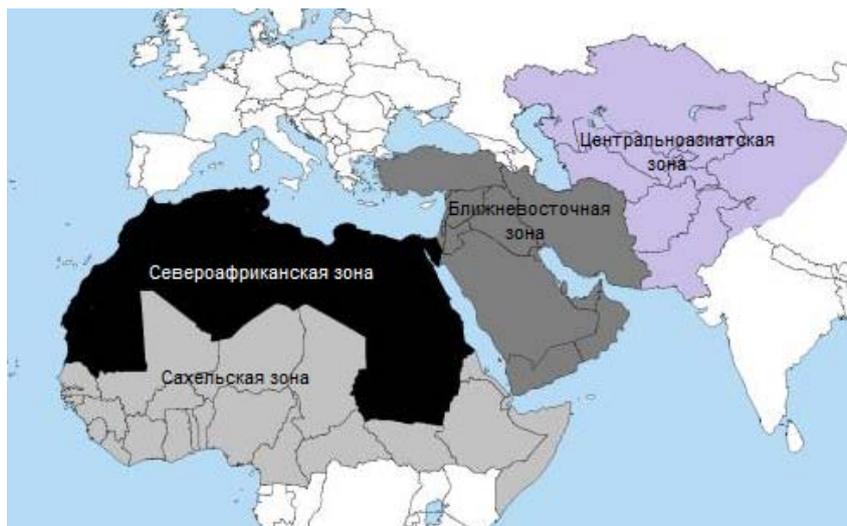

Рис. 2. Афразийская макрizona нестабильности

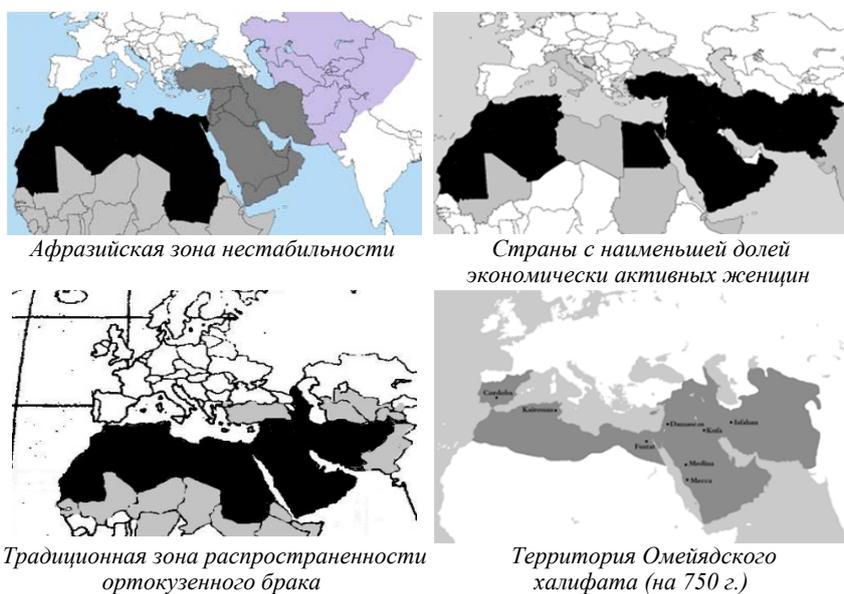

Рис. 3. Традиционная зона распространения ортокузенного брака, территория Омейядского халифата, зона сверхнизкой женской занятости и Афразийская макрizona нестабильности в сопоставлении

Характерным маркером этой зоны выступает присутствие патрилатерального ортокузенного брака (то есть брака между эго и дочерью брата эго отца). С одной стороны, священные тексты ислама ни в коей степени не предписывают такой формы брака (но и не запрещают его). С другой стороны, в большинстве культур мира такой брак считается инцестуозным, поскольку речь идет о браке внутри одного рода, тогда как в большинстве традиционных обществ (за пределами Афразийской зоны) браки внутри рода строжайшим образом запрещены, поэтому в тех случаях, когда становление ислама не сопровождалось мощным арабским влиянием (как, например, в Юго-Восточной Азии или Поволжье), распространения ортокузенного брака не наблюдалось.

Все это позволяло нам ожидать, что для Афразийской зоны должны фиксироваться некие собственные ценности, выделяющие ее из общего африкано-исламского кластера. Для выявления этих ценностей нами была построена корреляционная матрица на основе базы данных Всемирного исследования ценностей (WVS 2018) с включением туда дамми-переменной «Афразийская зона», где странам Афразийской зоны было присвоено значение «1», а всем остальным странам «0». В качестве стран Афразийской зоны были маркированы следующие страны из выборки Всемирного исследования ценностей: Алжир, Бахрейн, Буркина-Фасо, Египет, Гана, Иран, Ирак, Иордания, Казахстан, Кувейт, Кыргызстан, Ливан, Ливия, Мали, Марокко, Нигерия, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, Турция, Узбекистан, Йемен.

В этой статье мы представляем полученные нами результаты. Рассмотрение начнем с гендерных ценностей, выделяющих страны Афразийской зоны в сравнении со всем остальным миром (при этом, как мы могли видеть выше, проведенные ранее исследования достаточно убедительно показали, что данные ценности играют исключительно важную маркирующую роль для интересующего нас мир-системного региона). Предварительный анализ позволил выделить в качестве таковых следующие пять переменных:

1. D078: Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин.
2. D059: Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины.
3. D066_V: Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы (V).

4. E233: У женщин и мужчин равные права.

5. C001: Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин.

С использованием данных этих пяти переменных нами был проведен дискриминантный анализ для шести предполагаемых кластеров⁴, давший следующие результаты (см. Табл. 1–3).

Табл. 1. Стандартизированные канонические коэффициенты дискриминантных функций

Переменная	Функция				
	1	2	3	4	5
Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин	0,344	-1,240	-0,791	-0,709	1,523
Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины	0,811	-0,031	0,359	0,302	-1,582
Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы (B)	-0,071	1,183	-0,226	-0,431	-0,185
У женщин и мужчин равные права	0,043	0,439	-0,091	1,005	0,348
Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин	-0,181	0,739	1,114	0,282	0,346
Собственное число	4,8	1,56	0,10	0,5	0
% объясненной вариации	73,7	23,9	1,6	0,8	0
Кумулятивный %	73,7	97,7	99,2	100	100
Каноническая корреляция	0,91	0,78	0,30	0,22	0,003

Примечание. Объединенные внутригрупповые корреляции между дискриминирующими переменными и стандартизированными каноническими дискриминантными функциями. Переменные ранжированы по абсолютным величинам корреляции внутри функции. В анализе были использованы первые пять канонических дискриминантных функций.

⁴ 1 = Афразийская зона; 2 = Восточная Европа и страны бывшего СССР; 3 = Запад (Западная Европа и бывшие англосаксонские переселенческие колонии [США, Канада, Австралия, Новая Зеландия]); 4 = Латинская Америка; 5 = Африка южнее Сахеля; 6 = Азия.

Табл. 2. Тест функций Уилкса

Тест функций	λ Уилкса	χ^2	df	Статистическая значимость
1 – 5	0,058	157,7	25	< 0,001
2 – 5	0,338	60,2	16	< 0,001
3 – 5	0,864	8,1	9	0,520
4 – 5	0,953	2,7	4	0,611
5	1	0,001	1	0,980

Табл. 3. Значения функций в центроидах групп

Цивилизация	Функция				
	1	2	3	4	5
Афразийская зона	-2,52	-0,338	-0,23	-0,08	$-1,8 \cdot 10^{-5}$
Восточная Европа и страны бывшего СССР	-0,18	+1,33	+0,025	+0,40	-0,001
Запад	+2,79	+1,27	-0,25	-0,18	+0,003
Латинская Америка	+2,73	-2,16	-0,09	+0,09	-0,002
Африка южнее Сахеля	-0,76	-1,28	+0,59	+0,15	+0,01
Азия	+0,023	+0,50	+0,51	-0,23	-0,003

Примечание: средние значения для каждой группы нестандартизированных канонических дискриминантных функций.

Как мы видим, первые две функции объясняют 97,7 % всей вариации. Анализ стандартизированных канонических коэффициентов дискриминантных функций позволяет утверждать, что первая дискриминантная функция может быть интерпретирована как потестарное гендерное измерение, отражающее отношение респондентов к исполнению женщинами властных функций на уровне государства в целом или отдельного коммерческого предприятия. Действительно, наиболее высокое значение стандартизированного канонического коэффициента для первой функции имеет переменная D059 («Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»), а за ней следует переменная D078 («Из мужчин получают лучшие руководители бизнеса, чем из женщин»). Вместе с тем последняя переменная имеет наиболее высокое значение модуля стандартизированного канонического коэффициента для второй функции, где за ней с совсем небольшим отрывом следует переменная D066 («Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы»), а за ней идет переменная

С001 («Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин»). Это позволяет интерпретировать вторую функцию как экономическое гендерное измерение. В обоих измерениях афразийские страны образуют достаточно выраженные кластеры. Рассмотрим сначала, как эти страны выглядят в первом измерении (см. Рис. 4).

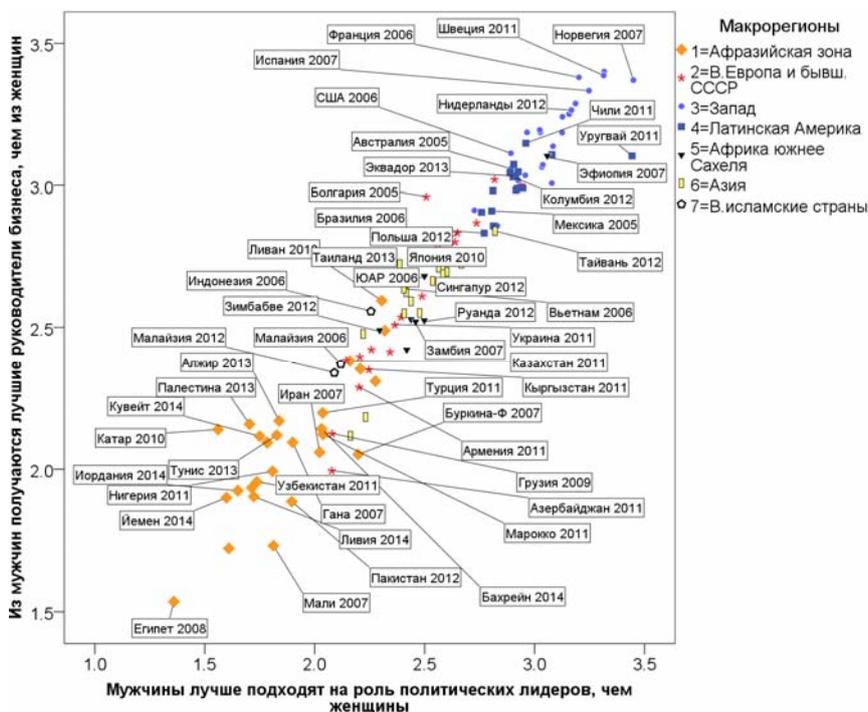

Рис. 4. Корреляция между отношением к женщинам как политическим лидерам и как руководителям бизнеса

Источник данных: WVS 2018.

Примечание: $r = 0,969$, $R^2 = 0,939$, $p < 0,001$.

Необходимо отметить, что ответы на два соответствующих вопроса закодированы Р. Инглхартom следующим образом: 1 = полностью согласен; 2 = согласен; 3 = не согласен; 4 = абсолютно не согласен. Таким образом, чем дальше страна находится вправо на Рис. 4, тем больше ее жители не согласны с тем, что женщины меньше подходят на роль политических лидеров, чем мужчины. С другой сторо-

ны, чем выше страна находится на том же графике, тем в большей степени ее жители не согласны с тем, что из женщин получаются худшие руководители бизнеса, чем из мужчин.

Нетрудно заметить, что в наименьшей степени с представлением о том, что мужчины – это лучшие руководители и в бизнесе, и в политике, согласны жители стран Запада. Впрочем, достаточно близко к ним находятся жители стран Латинской Америки, также в большинстве своем не согласные с тем, что женщины – худшие лидеры в бизнесе и политике, чем мужчины. Представители стран Африки южнее Сахеля, Азии и Восточной Европы (включая бывшие советские республики) занимают промежуточное положение, формируя центральный кластер. К ним примыкают и исламские страны к востоку от Индии («восточные» исламские страны: Бангладеш, Малайзия и Индонезия).

Как мы видим, страны Афразийской зоны образуют достаточно тесный кластер в левой нижней части графика, соответствующий крайне низкой оценке женщин как руководителей и в бизнесе, и на политическом уровне. Особенно это характерно для ядра Афразийской зоны – арабских стран: речь идет о Египте, Йемене, Ливии, Марокко, Тунисе, Кувейте, Катаре, Палестинской автономии, Алжире. Определенное исключение здесь предсказуемым образом составляет сильно вестернизированный Ливан (ср., например: Plaiss, Kauser 2011). Вместе с тем в ядро кластера попадают и страны Сахельской зоны (Мали, Нигерия, Гана, Буркина-Фасо), а также некоторые страны Центрально-Азиатской зоны (Пакистан и Узбекистан). С другой стороны, не вызывает большого удивления то, что Казахстан и Киргизия оказались на периферии кластера ближе к кластеру стран Восточной Европы и бывшего СССР (ср.: Inglehart 2007; Лопатина и др. 2016). Особо отметим то, что в один кластер с афразийскими странами попали все страны Закавказья: Армения, Грузия и Азербайджан (большая часть территории которых входила в Омейядский халифат). Следует подчеркнуть: нами уже ставился ранее вопрос о том, что эти страны, возможно, имеет смысл считать частью Афразийской зоны, и результаты этого теста показывают определенную обоснованность данного подхода (см. также, например: Лопатина и др. 2016). Отметим, что страны Африки южнее Сахеля достаточно определенно отличаются от стран Афразийской зоны (см. Рис. 5–6).

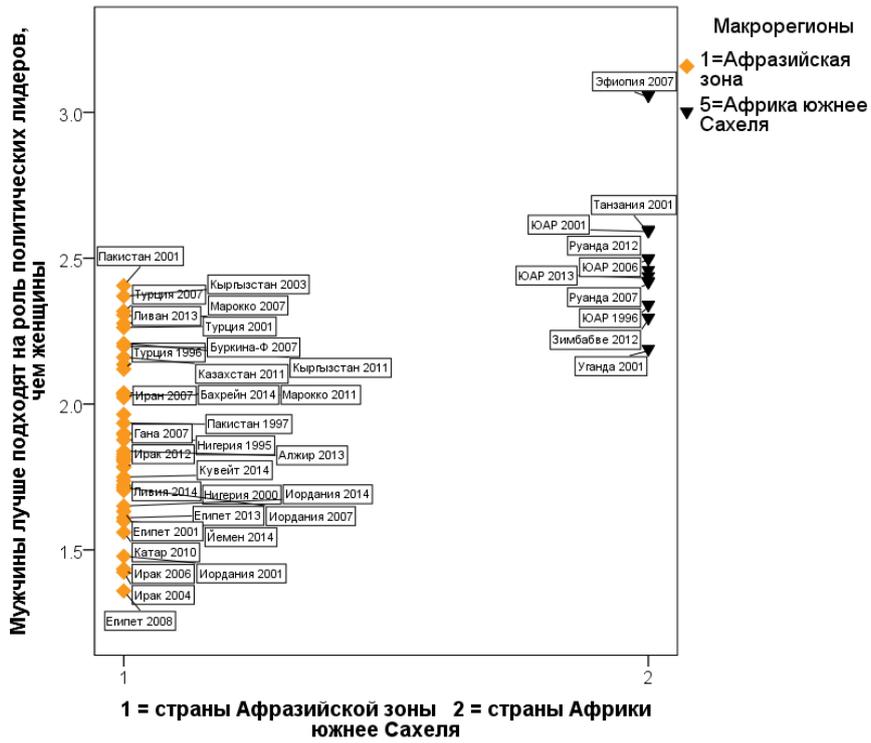

Рис. 5. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

Примечание: *t*-тест: $t = -8,03, p < 0,001$.

Табл. 4. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Африка южнее Сахеля	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	29 038	4648	33 686
		43,9 %	19,7 %	37,5 %
	Согласен	20 065	7379	27 444
		30,3 %	31,2 %	30,6 %
	Не согласен	12 555	7847	20 402
		19,0 %	33,2 %	22,7 %
Категорически не согласен	4462	3754	8216	
	6,7 %	15,9 %	9,2 %	
<i>Итого</i>		66 120	23 628	89 748
		100,0 %	100,0 %	100,0 %

Примечание: $\rho = 0,256, p < 0,001$; $\gamma = 0,428, p < 0,001$.

Табл. 5. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Африка южнее Сахеля	
Отношение к утверждению «Из мужчин получаются лучшие руководители бизнеса, чем из женщин» (D078)	Полностью согласен	13 394	2547	15 941
		34,9 %	16,8 %	29,8 %
	Согласен	12 802	4376	17 178
		33,3 %	28,9 %	32,1 %
	Не согласен	8964	5279	14 243
		23,3 %	34,8 %	26,6 %
Категорически не согласен	3241	2956	6197	
	8,4 %	19,5 %	11,6 %	
<i>Итого</i>		38 401	15 158	53 559
		100,0 %	100,0 %	100,0 %

Примечание: $\rho = 0,233, p < 0,001$; $\gamma = 0,383, p < 0,001$.

Как мы видим, доля полностью согласных с утверждением «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

ны» в странах Афразийской зоны более чем в 2 раза выше, чем в странах Африки южнее Сахеля, и наоборот, в странах Тропической и Южной Африки доля категорически не согласных с этим утверждением почти в 3 раза превышает таковую в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Сахеля.

Как мы видим, столь же разителен контраст между двумя макрорегионами и в плане отношения к утверждению «Из мужчин получают лучшие руководителя бизнеса, чем из женщин»: в странах Африки южнее Сахеля к этому утверждению относятся заметно более негативно.

Отметим, что статистически значимое различие по показателю отношения к способности женщины быть политическим лидером прослеживается между странами Афразийской зоны и восточно-исламскими странами (Бангладеш, Малайзия и Индонезия), см. Табл. 6.

Табл. 6. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и восточно-исламских стран к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Восточно-исламские страны	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	29 038	1421	30 459
		43,9 %	20,4 %	41,7 %
	Согласен	20 065	2932	22 997
		30,3 %	42,2 %	31,5 %
	Не согласен	12 555	2183	14 738
		19,0 %	31,4 %	20,2 %
Категорически не согласен	4462	416	4878	
	6,7 %	6,0 %	6,7 %	
Итого		66 120	6952	73 072
		100,0 %	100,0 %	100,0 %

Примечание: $\rho = 0,124$, $p < 0,001$; $\gamma = 0,320$, $p < 0,001$.

Рассмотрим теперь, как страны Афразийской зоны выглядят в экономическом гендерном измерении (см. Рис. 7).

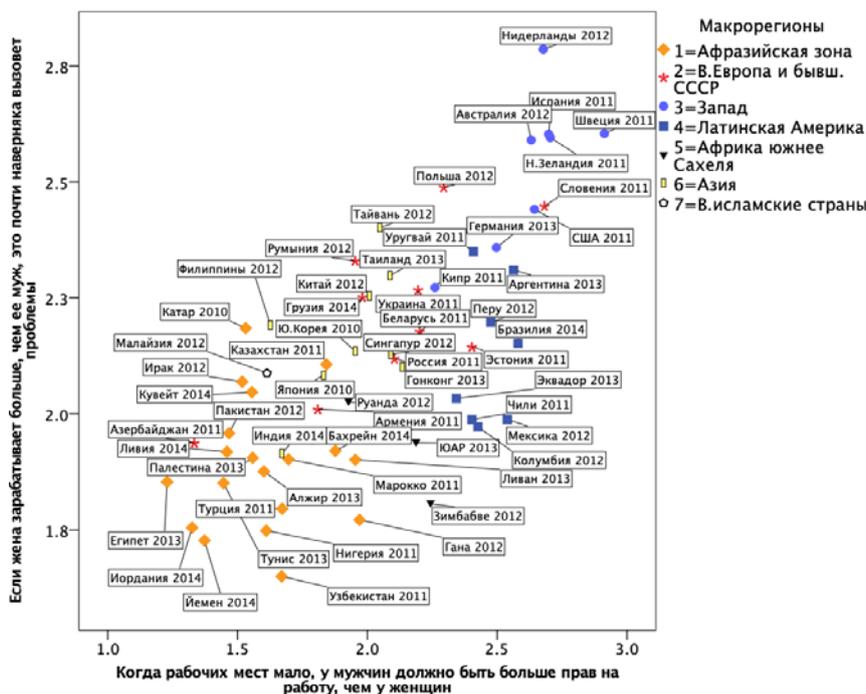

Рис. 7. Корреляция между отношением к тому, что жена зарабатывает больше, чем ее муж, и к тому, что у мужчин должно быть больше прав на работу

Источник данных: WVS 2018.

Примечание: $r = 0,701$, $R^2 = 0,491$, $p < 0,001$.

Необходимо отметить, что переменная D066 («Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы») была закодирована Р. Инглхартом как: 1 = согласен; 2 = ни то ни другое (*neither*); 3 = не согласен, а переменная C001 («Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу») имела отличную от переменной D066 кодировку: 1 = согласен; 2 = не согласен; 3 = ни то ни другое (*neither*)⁵. Кодировка переменной C001 представляется неоправданной, поэтому мы провели ее

⁵ Кодировка переменной C001 представляется неоправданной, поэтому мы провели ее перекодировку по той же самой схеме, какую имеет переменная D066: 1 = согласен; 2 = не имеет значения; 3 = не согласен.

перекодировку по той же самой схеме, какую имеет переменная D066: 1 = согласен; 2 = ни то ни другое (*neither*); 3 = не согласен.

Таким образом, чем дальше страна находится вправо на Рис. 7, тем больше ее жители не согласны с тем, что когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу. С другой стороны, чем выше страна находится на том же графике, тем в большей степени ее жители не видят проблемы в том, что жена зарабатывает больше мужа.

Сразу же отметим, что корреляция между двумя индикаторами отношения к экономическому гендерному неравенству заметно меньше, чем корреляция между двумя рассмотренными выше индикаторами отношения к потестарному гендерному неравенству.

Между странами Запада, образующими верхний правый кластер, и странами Латинской Америки, плотно примыкающими к западному кластеру, наблюдается крайне незначительная разница в отношении к тому, что мужчина должен иметь больше прав на работу, чем женщина. Однако жители стран Латинской Америки заметно более негативно реагируют, если жена зарабатывает больше мужа, чем существенно отличаются от стран Запада.

С другой стороны, респонденты из большинства стран Азии, Восточной Европы и бывшего СССР относятся к ситуации, когда доходы жены превышают доходы ее мужа, заметно менее негативно, чем респонденты из большинства стран Латинской Америки, Африки южнее Сахеля и Афразийской зоны, что несколько сближает первые в этом отношении со странами Запада. В то же самое время жители стран Азии и Восточной Европы в большей степени, чем латиноамериканцы, склонны считать, что у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин, что, наоборот, отличает их от стран Запада.

Страны Афразийской зоны снова (ср. с Рис. 6) образуют достаточно тесный кластер в левой нижней части графика, соответствующий наиболее полному согласию с тем, что жена не должна зарабатывать больше мужа и у мужчин должно быть больше прав на работу. В особенности такую позицию занимают практически те же арабские страны Афразийской зоны, которые были выделены нами в первом измерении (Египет, Иордания, Йемен, Тунис, Алжир, Ливия). К ядру кластера достаточно тесно примыкают страны Сахельской зоны (Нигерия, Гана), а также, как и в первом измерении, та-

кой представитель Центрально-Азиатской зоны, как исторически подвергшийся мощнейшему арабо-исламскому влиянию Узбекистан. С другой стороны, снова не вызывает большого удивления то, что исторически подвергшиеся крайне слабому арабо-исламскому влиянию Казахстан и Кыргызстан оказались на периферии кластера ближе к кластеру стран Восточной Европы и бывшего СССР. Также отметим то, что в один кластер с афразийскими странами попала одна из стран Закавказья – Азербайджан⁶.

Особо отметим, что страны Африки южнее Сахеля на Рис. 7 достаточно определенно отличаются от стран Афразийской зоны. Однако данные по обоим показателям отношения к экономическому гендерному неравенству имеются только для трех стран этого региона, что мало для формального статистического тестирования⁷. Связано это с очень малым количеством точек данных по Африке южнее Сахеля по показателю D066 «Если жена зарабатывает больше, чем ее муж, это почти наверняка вызовет проблемы». С другой стороны, в базе данных *WVS* имеется достаточное число точек данных по показателю C001 «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу», что дает возможность провести формальный *t*-тест (см. Рис. 8).

Как мы видим, вновь между странами Афразийской зоны и Африкой южнее Сахеля наблюдаются статистически крайне высоко значимые различия касательно прав на работу для мужчин и женщин. Жители Тропической и Южной Африки, в отличие от населения стран Афразийской зоны, более позитивно относятся к тому, что женщины вправе получить работу, даже если рабочих мест не хватает.

Те же самые статистически значимые различия между Афразийской зоной и Африкой южнее Сахеля прослеживаются также, если сопоставления проводить не на уровне средних значений стран, а на уровне отдельных респондентов, проживающих в странах соответствующих зон (см. Табл. 7).

⁶ Необходимая информация по Пакистану, Армении и Грузии в данном случае в базе *WVS* данных отсутствует.

⁷ Еще в большей степени это относится к восточно-исламскому кластеру, по которому в нашем распоряжении имеется одна точка данных.

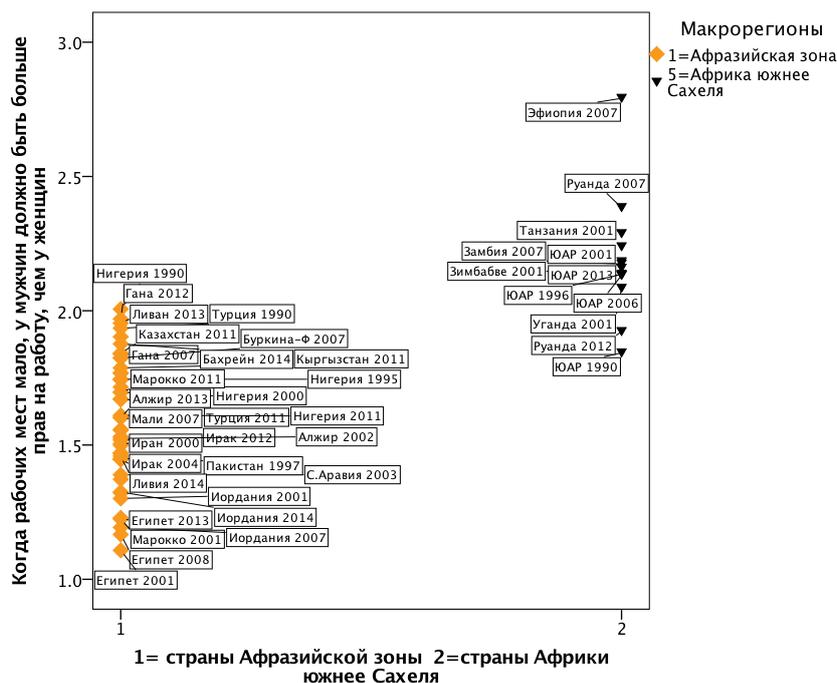

Рис. 8. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу»

Примечание: t -тест: $t = -8,37, p < 0,001$.

Табл. 7. Отношение респондентов стран Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу»

		Макрорегионы		Итого
		Афразия	Африка южнее Сахеля	
Отношение к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» (C001 ⁸)	Согласен	48 357 66,2 %	9175 33,9 %	57 532 57,5 %
	Ни то ни другое	8387 11,5 %	4377 16,2 %	12 764 12,8 %
	Не согласен	16 300 22,3 %	13 484 49,9 %	29 784 29,8 %
	<i>Итого</i>	73 044 100,0 %	27 036 100,0 %	100 080 100,0 %

Примечание: $\rho = 0,299, p < 0,001; \gamma = 0,533, p < 0,001$.

⁸ Как уже упоминалось выше, данная переменная была перекодирована.

Как мы видим, доля согласных с утверждением «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» в странах Афразийской зоны в 2 раза выше, чем в странах Африки южнее Сахеля – в странах Афразийской зоны с этим утверждением согласны 2/3 респондентов, а в странах Тропической и Южной Африки – только 1/3. В то же время доля не согласных с этим утверждением в странах Тропической и Южной Африки в 2 раза выше, чем в Афразийской зоне – в странах Африки южнее Сахеля с утверждением «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» не согласна почти половина респондентов, а в странах Афразийской зоны – менее 1/4.

Примечательно, что негативное отношение к экономической активности женщин в Афразийской зоне и более позитивное в странах Африки южнее Сахеля коррелирует с характерной для стран Афразийской зоны очень низкой долей экономически активных женщин в общей численности взрослого женского населения, что находится в ярком контрасте со странами Тропической и Южной Африки, для которых характерна однозначно высокая доля экономически активных женщин (см. Рис. 9).

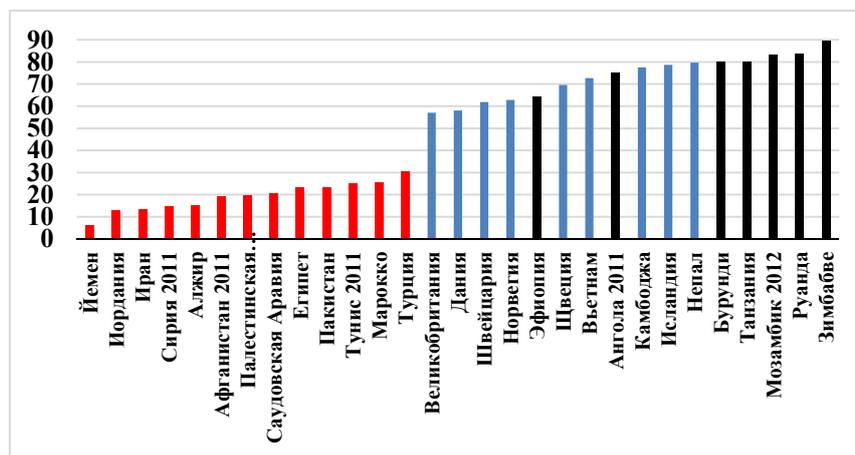

Рис. 9. Доля экономически активных женщин в общей численности населения, на 2014 г.

Источник данных: World Bank 2018.

Примечание. В случае отсутствия данных за 2014 г. данные указаны за ближайший предшествующий год.

Как мы видим, в тех странах, жители которых более всего убеждены, что мужчина имеет больше прав на работу, доля работающих женщин крайне мала. Однако в тех странах, где имеется твердое убеждение, что женщина так же, как и мужчина, имеет право на работу, доля экономически активных женщин значительно выше. В этом отношении Тропическая Африка находится значительно ближе к Западу, чем к Африканской зоне.

Отметим, что статистически значимое различие (однако все же не столь сильно выраженное) по показателю отношения к праву женщин занимать рабочие места наравне с мужчинами, даже если рабочих мест не хватает, прослеживается между странами Африканской зоны и восточно-исламскими странами (Бангладеш, Малайзия и Индонезия) (см. Табл. 8).

Табл. 8. Отношение респондентов стран Африканской зоны и восточно-исламских стран к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу»

		Макрорегионы		Итого	
		Африка	Восточно-исламские страны		
Отношение к утверждению «Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу» (C001 ⁹)	1 = согласен	48 357 66,2 %	4037 56,8 %	52 394 65,4 %	
	2 = ни то ни другое	8387 11,5 %	1199 16,9 %	9586 12,0 %	
	3 = не согласен	16 300 22,3 %	1877 26,4 %	18 177 22,7 %	
	<i>Итого</i>		73 044 100,0 %	7113 100,0 %	80 157 100,0 %

Примечание: $p = 0,051$, $p < 0,001$; $\gamma = 0,160$, $p < 0,001$.

Теперь для наглядности представим два рассмотренных нами измерения – потестарное гендерное («Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины») и экономическое гендерное измерение («Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу») для стран Африканской зоны в едином ценностном кластере, что может помочь нам лучше передать его структуру (см. Рис. 10а–10б).

⁹ Как уже упоминалось выше, данная переменная была перекодирована.

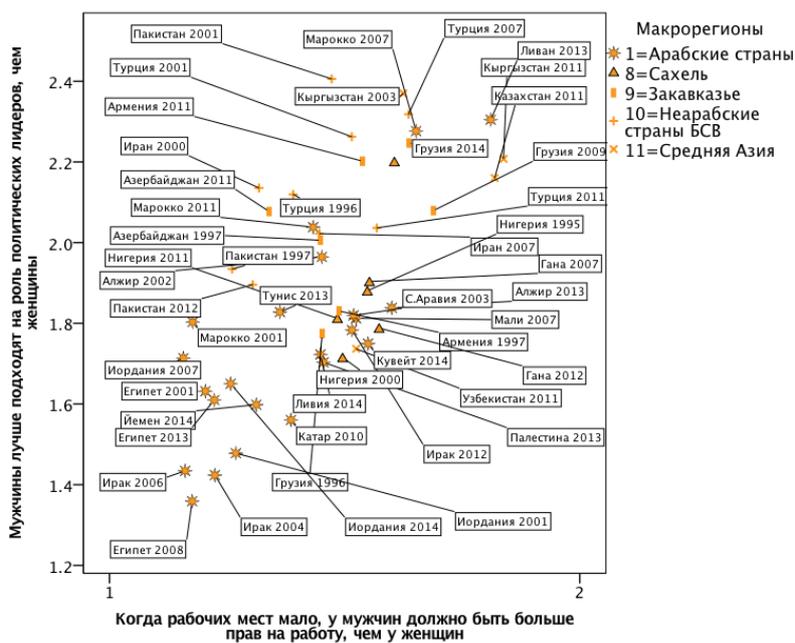

Рис. 10а. Структура афразийского ценностного кластера

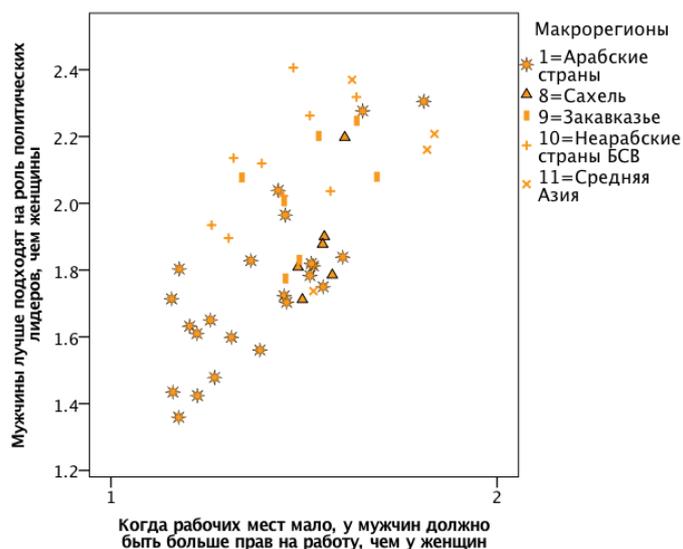

Рис. 10б. Структура афразийского ценностного кластера (без маркировки стран)

Как мы видим, ядро данного ценностного кластера образуют арабские страны, для большинства из которых характерны самая низкая в мире поддержка идеи женщины как политического лидера (измерение политического гендерного неравенства) и наиболее сильно выраженная по сравнению с практически всеми странами мира установка на то, что у мужчин должно быть больше прав на работу, чем у женщин (измерение экономического гендерного неравенства).

К ядру арабских стран тесно примыкают неарабские страны Западной Азии, а также страны Сахеля; в несколько меньшей степени это относится к странам Закавказья и в особенности Средней Азии, находящейся скорее на периферии данного кластера.

Попробуем дать оценку расстояния между выделенными нами кластерами в двух рассматриваемых ценностных измерениях. Для этого воспользуемся расчетом коэффициента ранговой корреляции Спирмана. Действительно, этот коэффициент вполне может рассматриваться именно как показатель расстояния между кластерами. Посмотрим, например, как корреляция между принадлежностью респондентов к арабским странам, странам Сахеля, а также странам Запада коррелирует с отношением к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059) (см. Табл. 9–10).

Табл. 9. Отношение респондентов арабских стран и стран Сахеля к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Арабские страны	Сахель	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	18 373 54,2 %	4951 42,8 %	23 324 51,3 %
	Согласен	8879 26,2 %	3780 32,7 %	12 659 27,9 %
	Не согласен	4985 14,7 %	2187 18,9 %	7172 15,8 %
		Категорически не согласен	1647 4,9 %	652 5,6 %
	<i>Итого</i>	33 884 100,0 %	11 570 100,0 %	45 454 100,0 %

Примечание: $\rho = 0,094, p < 0,001$.

Различия между респондентами из арабских стран и стран Сахеля в плане их отношения к политическим лидерам – женщинам очень невелики. И там, и там с утверждением «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» категорически не согласен лишь очень небольшой процент респондентов (4,9 % в арабских странах и 5,6 % в странах Сахеля), в то время как согласны с этим утверждением и там, и там абсолютное большинство респондентов: 80,4 % в арабских странах и 75,5 % – в странах Сахеля. Соответственно, и значение коэффициента ранговой корреляции Спирмана (ρ) очень невелико: 0,094. Различия между респондентами из арабских стран и стран Запада здесь несравненно больше (см. Табл. 10).

Табл. 10. Отношение респондентов арабских стран и стран Запада к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины»

		Макрорегионы		Итого
		Арабские страны	Запад	
Отношение к утверждению «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» (D059)	Полностью согласен	18 373	2378	20 751
		54,2 %	4,4 %	23,7 %
	Согласен	8879	8284	17 163
		26,2 %	15,5 %	19,6 %
	Не согласен	4985	25 913	30 898
		14,7 %	48,4 %	35,3 %
	Категорически не согласен	1647	16 948	18 595
		4,9 %	31,7 %	21,3 %
<i>Итого</i>		33 884	53 523	87 407
		100,0 %	100,0 %	100,0 %

Примечание: $\rho = 0,614, p < 0,001$.

Как мы видим, различия здесь действительно кардинальные: доля западных респондентов, полностью согласных с утверждением «Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины», в 10 с лишним раз меньше, чем в арабских странах. А доля категорически не согласных с ним – почти в 10 раз больше. В целом если в арабских странах с этим утверждением в той или иной степени согласилось абсолютное большинство респондентов (80,4 %), то в западных странах абсолютное большинство (80,1 %)

респондентов в той или иной степени с этим утверждением не согласилось. Соответственно и коэффициент ранговой корреляции Спирмана (ρ) в данном случае значительно выше: 0,614. Таким образом, этот коэффициент вполне можно использовать в качестве меры расстояния между теми или иными цивилизационно-региональными кластерами в соответствующих ценностных измерениях.

Рассмотрим сначала расстояния в двух рассматриваемых нами ценностных измерениях между различными кластерами Афразийской зоны нестабильности (см. Табл. 11).

Табл. 11. Дистанция между арабскими странами и другими подрегионами Афразийской зоны нестабильности в ценностном гендерном пространстве

	Экономическое гендерное измерение (Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу [перекодированная С001])					
		1 = Арабские страны	8 = Сахель	9 = За- кавказье	10 = Не- арабские страны БСВ	11 = Средняя Азия
Политическое гендерное измерение (Мужчины лучше подходят на роль политиче- ских лидеров, чем женщины) (D059)	1 = Арабские страны	X	0,184**	0,159**	0,125**	0,176**
	8 = Сахель	0,094**	X	-0,032**	-0,071**	0,022**
	9 = Закавказье	0,162**	0,081**	X	-0,040**	0,052**
	10 = Неараб- ские страны БСВ	0,255**	0,166**	0,092**	X	0,084**
	11 = Средняя Азия	0,159**	0,117**	0,047**	-0,037**	X

** Различие значимо на уровне $p < 0,01$.

Как мы видим, в политическом гендерном ценностном измерении к арабским странам оказываются наиболее близки страны Сахеля, после чего следуют страны Средней Азии и Закавказья и, наконец, неарабские страны Ближнего и Среднего Востока¹⁰. В экономическом гендерном измерении ближе всего к арабским странам оказы-

¹⁰ Напомним, что наша выборка этих стран не включает в себя Израиль.

ваются уже неарабские государства БСВ, затем следуют страны Закавказья, Средняя Азия и, наконец, страны Сахеля.

Отличия от арабских стран цивилизационно-региональных кластеров, не входящих в Афразийскую зону, несравненно более выражены (см. Табл. 12).

Табл. 12. Дистанция между арабскими странами и другими регионами, не входящими в Афразийскую зону нестабильности

		Экономическое гендерное измерение (Когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть больше прав на работу [перекодированная C001])						
		1 = Арабские страны	2 = Вост. Европа и бывший СССР	3 = Запад	4 = Латинская Америка	5 = Африка южнее Сахеля	6 = Азия	7 = Вост.-исламские страны
Политическое гендерное измерение (Мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины) (D059)	1 = Арабские страны	X	0,356**	0,464**	0,478**	0,419**	0,301**	0,144**
	2 = Вост. Европа и бывший СССР	0,348**	X	0,159**	0,029**	-0,021**	-0,161**	-0,144**
	3 = Запад	0,614**	0,369**	X	-0,120**	-0,140**	-0,307**	-0,220**
	4 = Латинская Америка	0,536**	0,234**	-0,150**	X	-0,059**	-0,223**	-0,245**
	5 = Африка южнее Сахеля	0,395**	0,055**	-0,279**	-0,162**	X	-0,144**	-0,232**
	6 = Азия	0,415**	0,034**	-0,369**	-0,226**	-0,030**	X	-0,096**
	7 = Вост.-исламские страны	0,248**	-0,063**	-0,329**	-0,254**	-0,136**	-0,107**	X

Как мы видим, дальше всех от арабских стран и в экономическом, и в политическом гендерном измерении отстоят страны Запада и Латинской Америки. В экономическом гендерном измерении на сопоставимом с Латинской Америкой расстоянии от арабских стран оказались страны Африки южнее Сахеля. Но они находятся заметно ближе к арабским странам в политическом гендерном измерении, где на большем расстоянии от арабских стран находятся государства Азии. Вместе с тем в экономическом гендерном измерении последние оказываются несколько ближе к арабским стра-

нам, чем государства Восточной Европы (включая европейскую часть бывшего СССР), однако те оказываются ближе к арабским странам, чем страны Азии в политическом гендерном измерении. Ближе всего к арабским здесь оказываются восточно-исламские страны (Бангладеш, Малайзия, Индонезия). За их исключением все остальные выделенные нами цивилизационные регионы находятся на несравненно большем отдалении от арабских стран, чем все подзоны Афразийской зоны нестабильности (Сахель, неарабские страны БСВ, Закавказье и Средняя Азия). Действительно, коэффициент ранговой корреляции Спирмана (характеризующий в данном случае уровень отличия соответствующего региона от арабских стран) имеет для этих зон значения в интервале от 0,022 до 0,255. Для Восточной Европы, стран Запада, Латинской Америки, Африки южнее Сахеля и Азии данный коэффициент принимает значения от 0,301 до 0,614. При этом для Запада и Латинской Америки мы имеем дело с интервалом от 0,464 до 0,614, для Африки южнее Сахеля 0,395–0,419, для Восточной Европы 0,348–0,356, для стран Азии 0,301–0,415. Только восточно-исламские страны находятся на расстоянии, сопоставимом с расстоянием, характерным для подзон Афразийской зоны (0,144 – в экономическом гендерном измерении и 0,248 – в политическом гендерном измерении), хотя суммарное расстояние у них оказывается несколько больше, чем у любой из подзон Афразийской зоны нестабильности.

* * *

Таким образом, проведенный нами анализ по нескольким ценностным характеристикам Афразийской зоны нестабильности подтвердил, что эти страны показывают крайне низкую поддержку гендерного равенства как в потестарном, так и в экономическом измерении, образуя свой достаточно компактный кластер на ценностной карте мира. Эти различия достаточно заметны при сравнении как со странами Африки южнее Сахеля, так и с восточно-исламскими странами (Бангладеш, Индонезия и Малайзия) – в то время как, согласно известному исследованию Р. Инглхарта и К. Вельцеля (2011), все эти три зоны объединяются в единый исламско-африканский кластер. При этом особо выраженные отличия по этим двум измерениям наблюдаются именно между странами Афразийской зоны и странами Африки южнее Сахеля. Что же ка-

сается восточно-исламских государств, здесь особо наблюдаются отличия от стран Афразийской зоны в потестарном измерении, при этом в экономическом измерении эти отличия не столь выражены, хотя и статистически значимы. Такой результат позволил провести параллель с одной характерной особенностью стран Африки южнее Сахеля: очень высокой экономической активностью женщин, которая как раз отличается от рекордно низких показателей доли экономически активных женщин в большинстве стран исследуемой нами Афразийской зоны. В то же самое время восточно-исламские страны, которые в целом фиксируют среднемировые показатели доли экономически активных женщин, тем не менее не столь сильно отличаются от стран Афразийской зоны по данному показателю (хотя эти различия все же достаточно значительны).

Как представляется, наш анализ позволил продемонстрировать более детальную картину ценностных ориентаций арабских и неарабских исламских стран. С одной стороны, такие исследователи, как Р. Инглхарт, К. Вельцель или А. Александер, достаточно убедительно показали, что существует целый пласт ценностей, характерных как для мусульманских стран, так и для мусульман в целом, вне зависимости от того, живут ли они в исламских или неисламских странах – и речь при этом идет в очень высокой степени именно о патриархальных ценностях (это обстоятельство также касается мусульманских диаспор в США и Европе) (см., например: Inglehart 2002; 2007; Alexander, Welzel 2011b; 2011c). С другой стороны, как было показано в блестящей работе Х. Риццо и др. (Rizzo *et al.* 2007), между арабскими и неарабскими исламскими странами могут существовать и очень серьезные различия в ценностной сфере.

Действительно, скажем, в 2000-е гг. для арабских стран была характерна самая высокая *в мире* доля респондентов, согласных с утверждением «Демократия лучше, чем любая другая форма правления» (см., например: Inglehart 2007: 41). С другой стороны, в неарабских исламских странах доля согласных с этим утверждением была значительно меньше (при этом что доля демократических государств была там значительно выше). При этом в неарабских исламских странах уровень поддержки гендерного равенства оказался значимо выше, чем в арабском мире (это подтвердили и результаты нашего исследования). Более того, в арабских и неарабских ислам-

ских странах связь между поддержкой гендерного равенства и приверженностью демократии оказалась прямо противоположной – в неарабских исламских странах (как, впрочем, и во всем остальном мире) поддержка гендерного равенства *положительно* коррелировала с приверженностью к демократии, то есть лица, поддерживающие гендерное равенство, были в большей степени склонны декларировать свою приверженность демократии; в арабских странах (*в отличие от всего остального мира*) здесь наблюдалась *отрицательная* корреляция, то есть лица, поддерживающие гендерное равенство, были склонны декларировать свою приверженность демократии в меньшей степени, чем лица, гендерное равенство отвергающие (см.: Rizzo *et al.* 2007); вполне конгруэнтные результаты были получены применительно к арабским странам и в исследовании В. Костенко, П. Кузьмичева и Э. Понарина (Kostenko *et al.* 2014; 2016). Таким образом, в некотором ценностном измерении мир вообще можно разделить на арабские страны и все остальные государства мира (включая и неарабские исламские страны).

Однако проведенное нами исследование о различиях в ценностных ориентациях арабских и неарабских мусульманских стран, а также стран Африки южнее Сахеля позволяет сделать ряд уточнений. Несмотря на то, что поддержка гендерного равноправия как в потестарном, так и в экономическом измерении в неарабских исламских странах выше, нежели в арабских странах, все же различия между этими зонами значительно меньше, хотя и статистически значимы, чем различия между арабскими странами и неисламским миром в целом. Это обстоятельство касается и Африки южнее Сахеля (в том числе Восточной и Южной Африки), которую следует также отнести к неисламскому ценностному кластеру. В этом отношении предлагаемое многими исследователями выделение исламского ценностного мегакластера выглядит вполне оправданным, при этом в рамках данного мегакластера представляется возможным выделить арабо-мусульманский макрокластер, состоящий из арабских стран и некоторых неарабских (в большинстве своем исламских) стран, исторически испытавших мощное воздействие арабской культуры (включая и неисламские ее элементы), который и можно отождествить с ценностным макрокластером Афразийской макрзоны нестабильности...

Отметим, что наши результаты позволяют несколько по-иному взглянуть и на проблему ценностной «карты мира». Они показывают, что предложенная Р. Инглхартом и К. Вельцелем кластеризация стран мира в ценностном пространстве не является достаточно полной. Ее необходимо дополнять и иными вариантами кластеризации в других ценностных измерениях. Проведенный нами анализ показывает, что в политическом и экономическом гендерном измерении эта кластеризация выглядит следующим образом (см. Рис. 11).

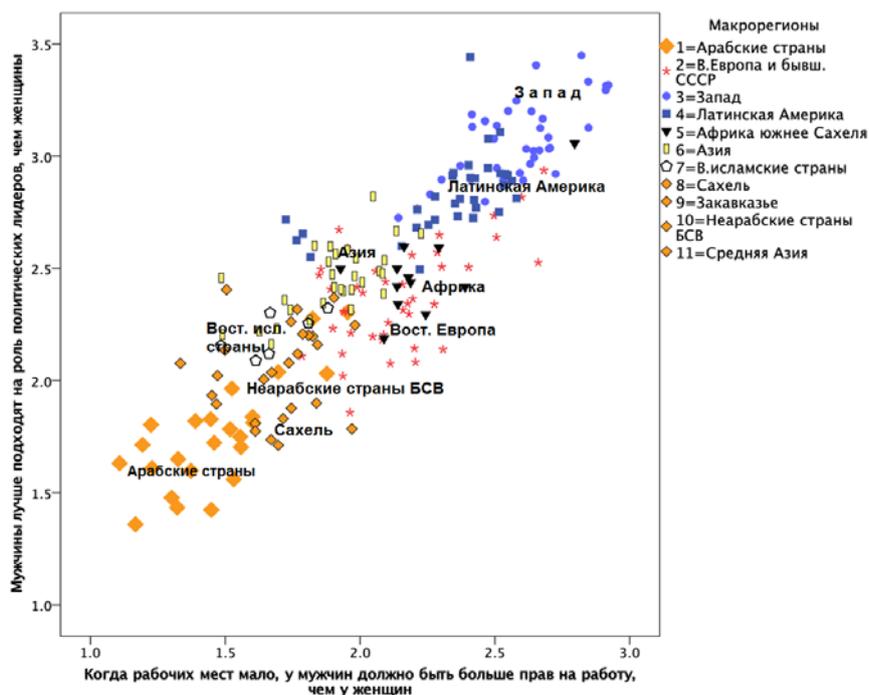

Рис. 11. Ценностная «карта мира» в гендерных измерениях

Как мы видим, в данных ценностных измерениях на противоположных полюсах оказываются страны Запада (с максимальной поддержкой гендерного равноправия как в политической, так и в экономической области) и арабские страны (с минимальной поддержкой того и другого). К странам Запада тесно примыкает Латинская Америка с немного меньшим уровнем поддержки гендер-

ного равенства в обоих измерениях. К Латинской Америке достаточно близко оказывается Африка южнее Сахеля, для которой характерен значительно более высокий, чем в арабских странах, уровень поддержки гендерного равенства в обоих измерениях. К Африке близко примыкает Азия – для большинства азиатских стран характерен уровень поддержки гендерного равенства в политической сфере примерно столь же высокий, как и в африканских странах южнее Сахеля; однако для большинства азиатских стран характерен заметно менее высокий, чем в Африке, уровень поддержки гендерного равенства в экономической сфере. Посткоммунистическая Европа также оказывается близкой к Африке южнее Сахеля, хотя для многих восточноевропейских стран характерен заметно более низкий, чем в Африке, уровень поддержки экономического гендерного равенства, а для некоторых – политического. Как уже говорилось, неарабские страны Афразийской зоны близко примыкают к арабским странам. На нашей ценностной «карте мира» восточно-исламские страны (Индонезия, Малайзия, Бангладеш) находятся достаточно близко от Афразийской зоны, но в некоторых отношениях они ближе к другим странам Азии, чем к арабским государствам.

Библиография

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2014.** Риски дестабилизации в контексте нарастающей неопределенности в «афразийской» зоне. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 4–10.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011.** *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое изд-во.
- Коротаев А. В. 2003.** Возникновение ислама: политико-антропологический контекст. *Сборник Русского исторического общества* 7(155): 14–24.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный*

мониторинг глобальных и региональных рисков: Украинский разлом: ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. Волгоград: Учитель. С. 180–207.

- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток 2*: 88–99.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2016.** Афразийская зона нестабильности и анализ глобальных дестабилизационных рисков в свете теории длинных волн. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Р. С. Гринберг. М.: Учитель. С. 295–307.
- Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. 2007.** *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ.
- Коротаев А. В., Столярова Т. И., Халтурина Д. А. 2012.** Религиозность в странах современного мира: сравнительный анализ. *Историческая психология и социология истории* 5(2): 18–27.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2008.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: URSS.
- Костенко В. В. 2014.** Гендерные установки мигрантов-мусульман в Северной и Западной Европе. *Социологические исследования* 11: 52–59.
- Костенко В. В. 2017а.** Гендерные установки мигрантов-мусульман в Западной Европе: многоуровневый неиерархический анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 1(137): 97–120.
- Костенко В. В. 2017б.** Проблемы гендерного неравенства на Арабском Востоке. *Азия и Африка сегодня* 9: 61–66.
- Лопатина С. Л., Костенко В. В., Понарин Э. Д. 2016.** Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах. *Журнал социологии и социальной антропологии* 19(3): 95–115.
- Стребкова О. Н., Понарин Э. Д., Костенко В. В. 2017.** Проверка измерительной инвариантности: случай порядковых переменных (на примере гендерного эгалитаризма в арабских странах). *Социология: методология, методы, математическое моделирование* 44: 7–36.
- Тищенко С. М., Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2010.** Социопсихологические параметры стран и цивилизаций мира. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: URSS. С. 379–410.

- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2009.** Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: URSS. С. 11–188.
- Abbott P. 2017.** Gender Equality and MENA Women's Empowerment in the Aftermath of the 2011 Uprisings. *Arab Transformations Working Paper*. URL: <https://ssrn.com/abstract=2902890>.
- Achilov D., Sen S. 2016.** Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624.
- Afshah H. 1996.** Faith and Freedom: Women's Human Rights in the Muslim World. *Development in Practice* 6(3): 272–278.
- Ajrouch K. J. 2005.** Arab-American Immigrant Elders' Views about Social Support. *Ageing & Society* 25(5): 655–673.
- Al Omoush K. S., Yaseen S. G., Alma'Aitah M. A. 2012.** The Impact of Arab Cultural Values on Online Social Networking: The Case of Facebook. *Computers in Human Behavior* 28(6): 2387–2399.
- Al-Braizat F. 2002.** Muslims and Democracy: An Empirical Critique of Fukuyama's Culturalist Approach. *International Journal of Comparative Sociology* 43: 269–99.
- Alexander A., Welzel C. 2011a.** Empowering Women: the Role of Emancipative Beliefs. *European Sociological Review* 27(3): 364–384.
- Alexander A. C., Welzel C. 2011b.** Islam and Patriarchy: How Robust is Muslim Support for Patriarchal Values? *International Review of Sociology* 21(2): 249–276.
- Alexander A. C., Welzel C. 2011c.** Islam and Patriarchy: How Robust is Muslim Support for Patriarchal Values? *World Values Research* 4(2): 40–70.
- Alexander A. C., Welzel C. 2015.** Eroding Patriarchy: the Co-evolution of Women's Rights and Emancipative Values. *International Review of Sociology* 25(1): 144–165.
- Ali A. 1992.** Islamic Work Ethics in Arabia. *Journal of Psychology* 126(5): 507–519.
- Ali A., Taqi A., Krishman K. 1997.** Individualism, Collectivism, and Decision Styles of Managers in Kuwait. *Journal of Social Psychology* 137(5): 629–637.
- Al-Kandari A., Gaither T. K. 2011.** Arabs, the West and Public Relations: a Critical/Cultural Study of Arab Cultural Values. *Public Relations Review* 37(3): 266–273.

- Al-Najjar A. 2011.** Contesting Patriotism and Global Journalism Ethics in Arab Journalism. *Journalism Studies* 12(6): 747–756.
- Ashraf S. A. 1988.** *The Westhill Project RE 5–16. Islam: Teacher's Manual.* London: Mary Glasgow.
- Ayubi N. 1991.** *Political Islam: Religion and Politics in the Arab World.* New York: Routledge.
- Baker W. 2003.** *The Cultural Heritage of Arabs, Islam, and the Middle East.* Dallas, TX: Brown Books.
- Ball C., Haque A. 2003.** Diversity in Religious Practice: Implications of Islamic Values in the Public Workplace. *Public Personnel Management* 32(3): 315–330.
- Barakat H. 1993.** *The Arab World: Society, Culture, and State.* Berkeley, LA: University of California Press.
- Basit T. N. 2017.** *Eastern Values; Western Milieu: Identities and Aspirations of Adolescent British Muslim Girls.* New York: Routledge.
- Beitin B. K., Aprahamian M. 2014.** Family Values and Traditions. *Biopsychosocial Perspectives on Arab Americans.* Boston, MA: Springer. Pp. 67–88.
- Cesari J. 2004.** *When Islam and Democracy Meet: Muslims in Europe and in the United States.* N. p.: Springer.
- Chun W., Singh N., Sobh R., Benmamoun M. 2015.** A Comparative Analysis of Arab and US Cultural Values on the Web. *Journal of Global Marketing* 28(2): 99–112.
- Cifteci S., Bernick E. M. 2015.** Utilitarian and Modern: Clientelism, Citizen Empowerment, and Civic Engagement in the Arab World. *Democratization* 22(7): 1161–1182.
- Cukur C. S., De Guzman M. R. T., Carlo G. 2004.** Religiosity, Values, and Horizontal and Vertical Individualism – Collectivism: A Study of Turkey, the United States, and the Philippines. *The Journal of Social Psychology* 144(6): 613–634.
- Díez-Nicolás J. 2003.** Two Contradictory Hypotheses on Globalization: Social Convergence or Civilization Differentiation and Clash. *Human Values and Social Change* / Ed. by R. Inglehart. Leiden; Boston: Brill. Pp. 235–263.
- Dorfman P. W., Howell J. P. 1988.** Dimensions of National Culture and Effective Leadership Patterns: Hofstede Revisited. *Advances in International Comparative Management* 3: 127–150.
- Elamin A. M., Omair K. 2010.** Males' Attitudes towards Working Females in Saudi Arabia. *Personnel Review* 39(6): 744–766.

- Esmer Y. 2002.** Is There an Islamic Civilization? *Comparative Sociology* 1: 265–98.
- Fattah M. A. 2006.** *Democratic Values in the Muslim World*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Federspiel H. 1998.** Islamic Values, Law and Expectations in Contemporary Indonesia. *Islamic Law and Society* 5(1): 90–117.
- Fernea E. W. 1995.** Family. *The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World* / Ed. by J. L. Esposito. New York: Oxford University Press. Vol. 1. Pp. 458–461.
- Fish M. S. 2002.** Islam and Authoritarianism. *World Politics* 55(1): 4–37.
- Forster G., Fenwick J. 2015.** The Influence of Islamic Values on Management Practice in Morocco. *European Management Journal* 33(2): 143–156.
- Fox A. M, Alzwawi S. A, Refki D. 2016.** Islamism, Secularism and the Woman Question in the Aftermath of the Arab Spring: Evidence from the Arab Barometer. *Politics & Governance* 4(4): 40–57.
- Fuller G. E. 2003.** The Future of Political Islam. *The Future of Political Islam*. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 193–213.
- Gibson J. L. 1992.** Alternative Measures of Political Tolerance: Must Tolerance Be ‘Least-Liked’? *American Journal of Political Science* 36(2): 560–577.
- Glas S., Spierings N., Scheepers P. 2018.** Re-understanding Religion and Support for Gender Equality in Arab Countries. *Gender & Society* 32(5): 686–712.
- Glidden H. W. 1972.** The Arab World. *American Journal of Psychiatry* 128(8): 984–988.
- Göle N. 2017.** Snapshots of Islamic Modernities. *Multiple Modernities* / Ed. by C. de Burgos. New York: Routledge. Pp. 91–118.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Dordrecht; Heidelberg; New York: Springer.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2018.** *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Dordrecht; Heidelberg; New York: Springer.
- Haddad Y. Y., Smith J. I. 1996.** Islamic Values among American Muslims. *Family and Gender among American Muslims* / Ed. by B. C. Aswad, B. Bilge. Philadelphia: Temple University Press. Pp. 19–40.
- Halstead J. M. 2007.** Islamic Values: A Distinctive Framework for Moral Education? *Journal of Moral Education* 36(3): 283–296.

- Hammoudeh M. M. 2016.** *Islamic Values and Management Practices: Quality and Transformation in the Arab World*. New York: Routledge.
- Hanafi H. 2002.** Alternative Conceptions of Civil society: A Reflective Islamic Approach. *Alternative Conceptions of Civil Society* / Ed. by S. Chambers, W. Kymlicka. Princeton, NJ: Princeton University. Pp. 171–189.
- Harahap S. 2003.** The Disclosure of Islamic Values – Annual Report. The Analysis of Bank Muamalat Indonesia’s Annual Report. *Managerial Finance* 29(7): 70–89.
- Hayes B. C., McAllister I., Studlar D. T. 2000.** Gender, Postmaterialism, and Feminism in Comparative Perspective. *International, Political Science Review* 21(4): 425–439.
- Haynes A. W., Eweiss M. M. I., Mageed L. M. A., Chung D. K. 1997.** Islamic Social Transformation: Considerations for the Social Worker. *International Social Work* 40: 265–275.
- Hodge D. R. 2002.** Working with Muslim Youths: Understanding the Values and Beliefs of Islamic Discourse. *Children & Schools* 24(1): 6–20.
- Hodge D. R. 2005.** Social Work and the House of Islam: Orienting Practitioners to the Beliefs and Values of Muslims in the United States. *Social Work* 50(2): 162–173.
- Hoffman M., Jamal A. 2014.** Religion in the Arab Spring: Between Two Competing Narratives. *Journal of Politics* 76(3): 593–606.
- Hofstede G. 1980.** *Culture’s Consequences: International Differences in Work-related Values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Inglehart R. 2002.** Islam, Gender, Culture, and Democracy. *International Journal of Comparative Sociology* 43(3–5): 224–228.
- Inglehart R. 2003a.** *Human Values and Social Change*. Leiden; Boston: Brill.
- Inglehart R. (Eds.). 2003b.** *Islam, Gender, Culture and Democracy: Findings from the World Values Survey and the European Values Survey*. Willowdale, ON: Sitter Publications, 2003.
- Inglehart R. F. 2007.** The Worldviews of Islamic Publics in Global Perspective. *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics* / Ed. by M. Moaddel. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 25–46.
- Inglehart R. 2017.** Changing Values in the Islamic World and the West. *Values, Political Action, and Change in the Middle East and the Arab Spring* / Ed. by M. Moaddel, M. Gelfand. New York: Oxford University Press. Pp. 3–24.

- Inglehart R., Baker W. E. 2000.** Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review* 65(1): 19–51.
- Inglehart R., Norris P. 2003a.** *Rising Tide*. New York: Cambridge University Press.
- Inglehart R., Norris P. 2003b.** The True Clash of Civilizations. *Foreign Policy* 135: 62–70.
- Inglehart R., Welzel C. 2005.** *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jafari M. F. 1993.** Counseling Values and Objectives: A Comparison of Western and Islamic Perspectives. *The American Journal of Islamic Social Sciences* 10: 326–339.
- Jamal A. A., Tessler M. A. 2008.** Attitudes in the Arab World. *Journal of Democracy* 19(1): 97–110.
- Jandt F. 2006.** *An Introduction to Intercultural Communication: Identities in a Global Community*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Johns A. H. 1987.** An Islamic System or Islamic Values? Nucleus of a Debate in Contemporary Indonesia. *Islam and the Political Economy of Meaning: Comparative Studies of Muslim Discourse*. London: Croom Helm. Pp. 254–280.
- Joma H. A. A. S. 1991.** *The Earth as a Mosque: Integration of the Traditional Islamic Environmental Planning Ethic with Agricultural and Water Development Policies in Saudi Arabia*. N. p.: University of Pennsylvania.
- Joseph S. 1996.** Patriarchy and Development in the Arab World. *Gender & Development* 4(2): 14–19.
- Kabeer N. 1991.** The Quest for National Identity: Women, Islam and the State in Bangladesh. *Women, Islam and the State* / Ed. by D. Kandiyoti. London: Palgrave Macmillan. Pp. 115–143.
- Karatnicky A. 2002.** Muslim Countries and the Democracy Gap. *Journal of Democracy* 13(1): 99–112.
- Kelly E. W., Aridi A., Bakhtiar L. 1996.** Muslims in the United States: An Exploratory Study of Universal and Mental Health Values. *Counseling and Values* 40(3): 206–218.
- Kenny J. 2003.** *Philosophy of the Muslim World*. Authors and Principal Themes 14. CRVP.
- Khan M. S. 1987.** Humanism and Islamic Education. *Muslim Education Quarterly* 4(3): 25–35.

- Khan M. Z. 2012.** *Gardens of the Righteous*. London: Routledge.
- Kim U., Triandis, H. C., Kagitcibasi C., Choi S. C., Yoon G. 1994.** *Individualism and Collectivism: Theory, Method, and Application*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Korotayev A. V. 2000.** Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization. *Ethnology* 39(4): 395–407.
- Korotayev A., Issaev L., Rudenko M., Shishkina A., Ivanov E. 2016.** Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution & History* 15(2): 120–140.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2015.** Female Labor Force Participation Rate, Islam, and Arab Culture in Cross-cultural Perspective. *Cross-Cultural Research* 49(1): Pp. 3–19.
- Kostenko V., Kuzmichev P., Ponarin E. 2014.** *Attitudes towards Gender Equality and Perception of Democracy in the Arab World*. Research paper no. WP BRP 50/SOC/2014. Moscow: Higher School of Economics.
- Kostenko V. V., Kuzmichev P. A., Ponarin E. D. 2016.** Attitudes towards Gender Equality and Perception of Democracy in the Arab World. *Democratization* 23(5): 862–891.
- Kulwicki A. 1996.** Health Issues among Arab Muslim Families. *Family and Gender among American Muslims* / Ed. by B. C. Aswad, B. Bilge. Philadelphia: Temple University Press. Pp. 187–207.
- Mahmoud V. 1996.** African American Muslim Families. *Ethnicity and Family Therapy* / Ed. by M. McGoldrick, J. Giordano, J. K. Pearce. 2nd ed. New York: Guilford Press. Pp. 122–128.
- Metcalf B. D. 2011.** Women, Empowerment and Development in Arab Gulf States: a Critical Appraisal of Governance, Culture and National Human Resource Development (HRD) Frameworks. *Human Resource Development International* 14(2): 131–148.
- Moaddel M. 2006.** The Saudi Public Speaks: Religion, Gender, and Politics. *International Journal of Middle East Studies* 38: 79–108.
- Moaddel M. 2007a.** The Saudi Public Speaks: Religion, Gender, and Politics. *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics*. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 209–246.
- Moaddel M. (Ed.). 2007b.** *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics*. Dordrecht: Springer.
- Mughtar N., Hamada B. I., Hanitzsch T., Galal A., Masduki, Ullah M. S. 2017.** Journalism and the Islamic Worldview: Journalistic Roles in Muslim-majority Countries. *Journalism Studies* 18(5): 555–575.

- Nasr S. H. 2009.** *The Heart of Islam: Enduring Values for Humanity*. Zondervan.
- Norris P., Inglehart R. 2002.** Islamic Culture and Democracy: Testing the “Clash of Civilizations” Thesis. *Comparative Sociology* 1: 235–263.
- Norris P., Inglehart R. 2004.** *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Norris P., Inglehart R. F. 2012.** Muslim Integration into Western Cultures: Between Origins and Destinations. *Political Studies* 60(2): 228–251.
- Osman F. 1997.** Islamic Values in the United States. *Journal of Islamic Studies* 8(2): 290–293.
- Panjwani F. 2013.** From “Islamic” Values to “Religio-secular” Values in Muslim Contexts. *The Routledge International Handbook of Education, Religion and Values* / Ed. by J. Arthur, T. Lovat. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group. P. 158.
- Panjwani F., Moulin-Stožek D. 2017.** Muslims, Schooling and the Limits of Religious Identity. *Oxford Review of Education* 43: 519–523.
- Parboteeah K. P., Paik Y., Cullen, J. B. 2009.** Religious Groups and Work Values: a Focus on Buddhism, Christianity, Hinduism, and Islam. *International Journal of Cross-Cultural Management* 9(1): 51–67.
- Paxton P., Kunovich S. 2003.** Women’s Political Representation: The Importance of Ideology. *Social Forces* 82(1): 87–113.
- Pettersson T. 2007.** Muslim Immigrants in Western Europe: Persisting Value Differences or Value Adaptation? *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics*. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 71–102.
- Pintak L., Setiyono B., 2011.** The Mission of Indonesian Journalism: Balancing Democracy, Development, and Islamic Values. *The International Journal of Press/Politics* 16(2): 185–209.
- Ponarin E. D., Kostenko V. V. 2013.** Attitude to Gender Equality in the Arab East. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 6(12): 1838–1846.
- Rafiki A., Wahab K. A. 2014.** Islamic Values and Principles in the Organization: a Review of Literature. *Asian Social Science* 10(9): 1–7.
- Richardson P. M. 2004.** Possible Influences of Arabic-Islamic Culture on the Reflective Practices Proposed for an Education Degree at the Higher Colleges of Technology in the United Arab Emirates. *International Journal of Educational Development* 24(4): 429–436.

- Rizzo H., Abdel-Latif A. H., Meyer K. 2007.** The Relationship between Gender Equality and Democracy: a Comparison of Arab versus non-Arab Muslim Societies. *Sociology* 41(6): 1151–1170.
- Robertson C. J., Al-Khatib J. A., Al-Habib M. 2002.** The Relationship between Arab Values and Work Beliefs: An Exploratory Examination. *Thunderbird International Business Review* 44: 583–601.
- Rowley C. K., Smith N. 2009.** Islam's Democracy Paradox: Muslims Claim to Like Democracy, So Why Do They Have So Little? *Public Choice* 139(3–4): 273–299.
- Roy O. 1996.** *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press.
- Shane S., Venkataraman S., MacMillan I. 1995.** Cultural Differences in Innovation Championing Strategies. *Journal of Management* 21: 931–952.
- Shirokanova A. 2015.** A Comparative Study of Work Ethic among Muslims and Protestants: Multilevel Evidence. *Social Compass* 62(4): 615–631.
- Sibai A., Yamout R. 2012.** Family-based Old-age Care in Arab Countries: Between Tradition and Modernity. *Population Dynamics in Muslim Countries: Assembling the Jigsaw*. Heidelberg; Berlin: Springer. Pp. 63–76.
- Simmons C., Simmons C., Allah M. H. 1994.** English, Israeli-Arab and Saudi Arabian Adolescent Values. *Educational Studies* 20(1): 69–86.
- Spierings N. 2014.** The Influence of Islamic Orientations on Democratic Support and Tolerance in Five Arab Countries. *Politics and Religion* 7(4): 706–733.
- Stockemer D. 2015.** Women's Descriptive Representation in Developed and Developing Countries. *International Political Science Review* 36(4): 393–408.
- Sullivan J. L., Marcus G. E., Feldman S., Piereson J. E. 1981.** The Sources of Political Tolerance: A Multivariate Analysis. *American Political Science Review* 75(1): 92–106.
- Tafti S. F., Hosseini S. F., Emami S. A. 2012.** Assessment the Corporate Social Responsibility According to Islamic Values (Case Study: Sarmayeh Bank). *Procedia-Social and Behavioral Sciences* 58: 1139–1148.
- Tausch A. 2013.** A Look at International Survey Data about Arab Opinion. *Middle East Review of International Affairs* 17(3): 57
- Tausch A. 2014.** The New Global Antisemitism: Implications from the Recent Adl-100 Data. *Middle East Review of International Affairs* 18(3): 46.
- Tausch A. 2015a.** The Fertile Grounds for ISIL Terrorism. *Telos Crit Theory Contemp* 171: 54–75.

- Tausch A. 2015b.** Estimates on the Global Threat of Islamic State Terrorism in the Face of the 2015 Paris and Copenhagen Attacks. *Middle East Review of International Affairs* 19(1): 37–58.
- Tausch A. 2015c.** Further Insight into Global and Arab Muslim Opinion Structures: Statistical Reflections on the 2013 Pew Report “The World’s Muslims”. *Middle East Review of International Affairs* 18(1): 8–24.
- Tausch A. 2016a.** Islamism and Antisemitism. Preliminary Evidence on Their Relationship from Cross-national Opinion Data. *Social Evolution & History* 15(2): 50–99.
- Tausch A. 2016b.** The Civic Culture of the Arab World: a Comparative Analysis Based on World Values Survey Data. *Middle East Review of International Affairs* 20(1): 35–59.
- Tausch A. 2017.** Occidentalism, Terrorism, and the Shari’ah State: New Multivariate Perspectives on Islamism Based on International Survey Data (January 12). URL: <https://ssrn.com/abstract=2731640>.
- Tessler M. 2002a.** Do Islamic Orientations Influence Attitudes toward Democracy in the Arab World? Evidence from Egypt, Jordan, Morocco, and Algeria. *International Journal of Comparative Sociology* 43(3–5): 229–249.
- Tessler M. 2002b.** Islam and Democracy in the Middle East: The Impact of Religious Orientations on Attitudes toward Democracy in Four Arab Countries. *Comparative Politics* 34(3): 337–354.
- Tessler M. 2003.** Arab and Muslim Political Attitudes: Stereotypes and Evidence from Survey Research. *International Studies Perspectives* 4(2): 175–181.
- Tessler M., Altinoglu E. 2004.** Political Culture in Turkey: Connections Among Attitudes Toward Democracy, the Military and Islam. *Democratization* 11: 22–51.
- Tlaiss H., Kauser S. 2011.** The Impact of Gender, Family, and Work on the Career Advancement of Lebanese Women Managers. *Gender in Management: An International Journal* 26(1): 8–36.
- Vitell S., Nwachukwu S., Barnes J. 1993.** The Effects of Culture on Ethical Decision-making: an Application of Hofstede’s Typology. *Journal of Business Ethics* 12: 753–760.
- Whiteoak J. W., Crawford N. G., Mapstone R. H. 2006.** Impact of Gender and Generational Differences in Work Values and Attitudes in an Arab Culture. *Thunderbird International Business Review* 48(1): 77–91.
- World Bank 2018.** Labor Force Participation Rate, Female. World Development Indicators Database. Washington, DC: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.NE.ZS>.

- WVS 2018.** *World Values Survey Database*. Vienna: Institute for Comparative Survey Research. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.
- Yaran C. S. 2003.** *Islamic Thought on The Existence of God: with Contributions from Contemporary Western Philosophy of Religion* 16. CRVP.
- Yeganeh H., May D. 2011.** Cultural Values and Gender Gap: a Cross-National Analysis. *Gender in Management: An International Journal* 26(2): 106–121.
- Yousef D. A. 2000.** Organizational Commitment and Job Satisfaction as Predictors of Attitudes toward Organizational Change in a Non-western Setting. *Human Relations* 53: 513–537.
- Yousef D. A. 2001.** Islamic Work Ethic: a Moderator between Organizational Commitment and Job Satisfaction in a Cross-cultural Context. *Personnel Review* 30: 152–164.
- Zakaria F. 2003.** *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: W. W. Norton & Company.
- Zolberg A. R., Woon L. L. 1999.** Why Islam is Like Spanish: Cultural Incorporation in Europe and the United States. *Politics & Society* 27(1): 5–38.
- Zuhur S. 1995.** Sexuality. *The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World* / Ed. by J. L. Esposito. New York: Oxford University Press. Vol. 4. Pp. 35–37.